

Чжоу Юньшэн потер брови. Он чувствовал, что миры становятся все более и более трудными.

Он снял халат и голым вошел в горячие источники, расслабляя нервы и одновременно преображая тело Джошуа. Врожденный талант Джошуа был не очень хорош, когда он проверил его световые атрибуты, камень свойств выдавал только слабый белый свет, но после корректировки 007 он получит лучшие результаты.

К сожалению, на этом континенте качество вашей силы и должности, на которые вы претендовали, не имели пропорциональной зависимости. Многие квалифицированные дети были отвергнуты, потому что их чувство собственной важности заставляло их игнорировать свою преданность Богу Света. Сила света в их телах постепенно уменьшалась, пока не исчезла.

С другой стороны, многие обычные и даже дети с низким талантом были благословлены, потому что они осознали свою низость и от всего сердца посвятили себя Богу Света. Они накапливали силу посредством ежедневной молитвы, и через 10 или 20 лет они часто достигали удивительных высот.

Казалось, что Богу Света нужна сила веры, и он и его светлые священники поддерживали взаимовыгодные отношения. Ты даешь мне силу веры, я дам тебе силу света, ни веры, ни света.

Как человек без веры, Чжоу Юньшэн был в затруднительном положении.

Нечистоты в теле Джошуа медленно удалялись. В данный момент его белая кожа была похожа на безупречный нефрит, излучающий сияющий блеск, а его голубые глаза были более далекими, чем бескрайнее небо, и более глубокими, чем бескрайний океан. Его чрезвычайно красивые черты лица потеряли свою бледность и резкость, поэтому теперь он выглядел как идеальный пример тихого и сострадательного человека.

Когда вы смотрели в его глаза, вас охватывало умиротворяющее и теплое чувство, все существа, на которых он смотрел, не хотели терять его из виду.

Как смертный жрец, его внешность уже достигла своего предела, любые дополнительные корректировки были бы излишними. Чжоу Юньшэн накинул свой халат и удовлетворенно посмотрел на мальчика в зеркале.

Как злодей-соперник мужского пола, внешность Джошуа не уступала внешности главного героя, но ему не хватало доброго, чистого и невинного темперамента главного героя. Однако после благословения и преображения Чжоу Юньшэна нынешний Джошуа был чистым голубым хрустальным бассейном, изящным бризом, никто не мог выглядеть более нежным и чистым, чем он.

Если бы он вышел в мир, его образ стал бы высшим примером великого жреца света в воображении всех рас.

Внешней вид был исправлен, теперь все, что ему было нужно, - это набожное сердце. Чжоу Юньшэн лег в постель и подумал о контрмерах, но вскоре бессознательно заснул.

На следующее утро он проснулся в обычное время Джошуа, и ему в голову быстро пришла идея. Он отпустил двух служанок, затем подошел к огромному зеркалу в пол, уставившись на стройного подростка, и пробормотал: "Я люблю Бога Света. Всей своей жизнью и душой я люблю его. Чтобы иметь право поцеловать край его мантии, чтобы служить ему, я готов заплатить все".

Он сделал паузу на мгновение, затем подчеркнул: "Я люблю его. Я люблю его до бесчувствия. Я люблю его до смерти".

После этих слов слегка неуверенные глаза мальчика стали твердыми. Да, Чжоу Юньшэн загипнотизировал себя. Это был единственный способ заставить его подсознание от всего сердца светиться преданностью, иначе Бог Света увидел бы его насквозь.

Главный обман состоял не в том, чтобы обмануть других, а в том, чтобы обмануть самого себя. В течение двенадцати часов, в течение срока действия, Чжоу Юньшэн станет фанатичным верующим в Бога Света. После того, как оно истечет, он станет самим собой.

Конечно, если бы требовалось больше культивирования, он мог бы дать себе более длительный срок.

Он надел свою мантию священника и пошел со своими двумя служанками в главный зал как недавно возрожденный светлый священник.

Епископ ждал его перед статуей, он прошептал: "Дитя мое, тебе шестнадцать лет, и ты собираешься путешествовать через два года. Демоны очень враждебны к светлым священникам, поэтому, чтобы лучше защититься от них, лучше увеличить время молитвы. Обязательно накопи достаточно энергии перед путешествием. Я люблю тебя, дитя мое, и надеюсь, что Отец Бог будет любить тебя так же, как я".

Он коснулся бровей подростка кончиками пальцев, смутно выказывая некоторую тревогу.

Из-за того, что он влюбился во Второго Принца, Джошуа потерял преданность своим молитвам, поэтому сила света, которую он накопил в своем теле, ослабла, пока оно почти не рухнуло. Он был единственным ребенком света, родившимся в Королевстве Сагья после почти пятидесяти лет поисков, если бы он потерял свое положение, Королевство Сагья превратилось бы в опустошенное демонами чистилище.

Неделю назад епископ попросил Джошуа зажечь камень собственности, и он почти не смог этого сделать, из-за чего епископ страдал несколько бессонных ночей. Он помолчал мгновение, но не мог отпустить это, он протянул кусок камня Джошуа и сказал: "Используй всю свою силу, чтобы зажечь его, дитя мое", - если камень не сможет загореться, ему придется подумать о том, чтобы заменить его в качестве наследника. Возможно, он мог бы попросить Короля послать войска в другую страну, чтобы захватить светлого ребенка.

Его тело только что преобразилось, так что его световая сила значительно возросла. Чжоу Юньшэн не волновался, он спокойно взял камень и ввел силу.

Камень собственности изменился с обычного серо-коричневого на прозрачный ярко-белый, к нему также примешалось несколько золотых бликов, очень ослепительных. Даже сам епископ мог заставить камень светиться только белым, а не золотым. Только те, у кого были самые благочестивые молитвы, могли получить его, это был редкий дар от Бога Света.

Похоже, что ребенок осознал свои собственные ошибки и признался Отцу, и отец милостиво простил его. Это просто замечательно. В королевстве Сагья будет великий и могущественный жрец, который будет присматривать за ним.

Епископ похлопал мальчика по худому плечу и сказал что-то ободряющее, затем медленно вышел из главного зала. В его возрасте никакая молитва не была полезной, его старое тело не могло нагружать больше энергии. Будущее принадлежало молодым людям.

Чжоу Юньшэн поклонился епископу, когда тот уходил, затем оглянулся на статую Бога Света. Его взгляд был полон страстной любви. Поскольку он не мог подавить желание в своем сердце, он обошел длинный алтарь и поцеловал подьем статуи.

"Отец, ты никогда не узнаешь, как сильно я тебя люблю", - прошептал он, затем отступил к длинному алтарю, опустился на колени, сложил руки и начал молиться.

Поскольку молитва была источником силы, естественно, что священники не молились вслух. Не было никаких образцов молитв, распространяемых между храмами, или Легкой Библии или так далее, все зависело от способностей священника. Они должны приложить все усилия, чтобы запечатлеть себя в сердце Отца.

В настоящее время Чжоу Юньшэн был чрезвычайно, глубоко влюблен в Бога Света, даже на его душе были выгравированы слова "Я люблю Отца". Как только он увидит статую Бога Света, он, естественно, разрыдается, и благочестивые и трогательные молитвы выльются из его уст. Ему даже не нужно было останавливаться и думать.

"Мой Отец, спасибо тебе за то, что заботился обо мне, выбирал меня, пытался усовершенствовать меня.

Быть вашим самым верным верующим и нести вашу вездесущую славу.

Твоя сила зовет меня, твоя доброта - благословение для меня,

Ты выводишь меня из замешательства и спасаешь от тьмы.

Я такой маленький и недостойный твоей заботы,

Но все равно я стою здесь на коленях, прося тебя отвезти меня, упрекнуть меня, выпороть меня,

Так что я, возможно, никогда не забуду твою любовь, навсегда.

Я готов принести свою душу в жертву, пожалуйста, прими это, Отец.

Когда ты проникнешь в нее, чтобы прочитать ее, я хотел бы, чтобы ты мог взглянуть на смиренную любовь, которая хранится в ней,

Ибо это было бы величайшим счастьем в моей жизни.

Отец, пожалуйста, посмотри на меня,

Отец, пожалуйста, послушай меня,

Отец, пожалуйста, используй меня,

Отец, направь свой самый мощный свет, чтобы сокрушить меня.

Но если я имею честь, чтобы ты слушал мою молитву в этот момент,

Я умоляю тебя сжалиться надо мной и оживить это разбитое тело,

Из-за моей любви к тебе мое сердце слабо,

Оно желает следовать за тобой до вечности" .

Спиральный звук задержался в главном зале и отразился, как нефрит, ударяющийся о металл, как вода, бьющаяся о берег реки, как яркие цветы, отягощенные росой, как легкий ветерок, шелестящий в деревьях.

Так успокаивающе, так нежно, так незабываемо.

На Девятом небе наверху слушал золотоволосый, золотоглазый, красивый мужчина. Его нахмуренный лоб бессознательно расслабился, а в резких уголках рта появился намек на улыбку.

Он полулежал в широком мягком шезлонге, окруженный молодыми, очаровательными и невинно выглядящими мальчиками. Один из них казался особенно избалованным, он тихо взобрался к нему на колени и тихо спросил: "Отец, почему ты нас игнорируешь?". Как смертные существа, они, естественно, не могли слышать голос, доносящийся из храма царства смертных.

Голос мальчика был очень нежным и очень милым. Его тонкий голос был довольно очарователен, но он случайно прервал слушание мужчины, заставив его пропустить последние несколько слов молитвы.

Расслабленная бровь мужчины снова нахмурилась. Тысячелетия существования превратили его в глубокую пропасть, из-за которой предсказать его величественный темперамент становилось все труднее. Он спокойно поднял палец, и эльфоподобный красивый подросток мгновенно растворился в дыму, как будто его никогда и не существовало. Остальные люди побледнели от страха и немедленно отступили подальше, дрожа на коленях в ожидании приговора.

Но мужчина не двинулся против них, он просто призвал волшебное зеркало воды, в которое мог заглянуть только он.

В зеркале маленький мальчик, который был красивее и нежнее любого из присутствующих мальчиков, стоял на коленях в храме в благочестивой молитве. Он закрыл глаза, и его густые выщипанные ресницы были залиты слезами из-за его чрезвычайно теплой любви. Он выглядел более хрупким, чем распускающиеся ранним утром цветы, и более сладким и прекрасным, чем лист лотоса, покрытый каплями воды.

Его розовые губы открывались и закрывались, извергая сладкие слова любви.

Он протянул кончики пальцев, чтобы погладить отражение мальчика в зеркале, потер густые ресницы и хрустальные слезы, пробормотав: "Я смотрю на тебя, дитя мое. Я слушаю тебя, дитя мое. Я буду использовать тебя, пока ты приходишь ко мне. Но прости, дитя мое, я не могу вынести мысли о том, чтобы раздавить тебя".

Он вдруг усмехнулся, затем повернул время вспять в зеркале воды, слушая отрывок сна и снова, довольный. Он махнул рукой и отпустил испуганных мальчиков.